

УДК 821.111

Художественная реализация экзистенциалистской парадигмы «Я-Другой» в романном пространстве Иэна Макьюэна

Кошикова Алена Владимировна

Аспирант,
кафедра зарубежной литературы и сравнительного культуроведения,
Кубанский государственный университет,
350040, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ставропольская, 149;
e-mail: kav-tutor@mail.ru

Аннотация:

Статья посвящена анализу романов Иэна Макьюэна с точки зрения философии экзистенциализма XX века. Впервые творчество современного мастера прозы рассматривается в рамках экзистенциалистской парадигмы «Я-Другой». Автор обнаруживает связь между антропологическим подходом немецкого философа Мартина Бубера, французского экзистенциалиста Жана-Поля Сартра и новеллистикой британского классика. Такая популярность идеи «инаковости» объясняется тем, что после Второй мировой войны ослабевшая Европа всерьез задумывается над возрождением ценности личности, что влечет за собой проблему самоидентификации в условиях стремительно развивающегося прогресса, который подразумевает разнообразные варианты коммуникаций в процессе непрерывного диалога между личностями, культурами, странами и даже эпохами. В качестве материала для анализа выступают романы «Цементный сад», «Черные псы» и «Невыносимая любовь», в которых наиболее ярко прослеживаются черты указанного аспекта философии экзистенциализма.

Для цитирования в научных исследованиях

Кошикова А.В. Художественная реализация экзистенциалистской парадигмы «Я-Другой» в романном пространстве Иэна Макьюэна // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 5А. С. 581-588.

Ключевые слова

Философская антропология, экзистенциализм, Другой, Макьюэн, Бубер, Сартр, самоидентификация.

Введение

Проблема поиска и обретения человеком персональной идентичности достаточно давно волнует общество. Особенно остро данный вопрос встает именно в XX веке, когда в условиях стремительно обновляющейся реальности личность вынуждена постоянно сталкиваться и контактировать с миллионами себе подобных, одновременно предпринимая попытки самоопределиться через вопрошание «что есть Я?». Подобный антропологический ренессанс заставляет современных западных и отечественных мыслителей все чаще обращаться к теме самоидентификации человека.

Сформировавшаяся в Европе в первой половине XX века философия экзистенциализма зарождается в период нравственных, экономических и политических кризисов, наступивших на фоне подведения итогов двух мировых войн, которые привели к обезличиванию человека. Именно этот факт заставляет и авторитетных мастеров художественной словесности, и ученых-философов обратиться в поствоенный период к попытке возродить ценность личности, снова сделать ее важной фигурой бытия.

Особое внимание экзистенциалистским проблемам уделяет современный британский писатель Иэн Макьюэн (р. 1948), который в своих романах, несмотря на их разноплановость и политематичность, неизменно ставит проблему человека и пытается ее рассмотреть сквозь призму экзистенциалистской парадигмы «Я-Другой».

Одним из крупнейших философов второй половины XX века, посвятившим значительную часть своих рассуждений указанной проблеме, был Мартин Бубер. Труды этого ученого, имеющие экзистенциалистскую направленность, в основном отсылают нас именно к антропологическим вопросам. Так, крупнейшим исследованием в этой области стала работа «Я и Ты», в которой Бубер видит своей задачей разобраться в онтологической ситуации сосуществования («со-бытия») одного человека с другим. В качестве метода своего исследования философ берет понятие диалога, заимствованное у представителей Марбургской школы неокантианства. С точки зрения этой диалогической философии, человек самоопределяется в контексте окружающего его мира исключительно посредством диалога с Другим. Именно этот процесс является определяющим в ситуации самопознания личности. Особенно возросло значение диалогизма в наши дни, когда стремительно развивающийся прогресс, обеспечивающий все больше вариантов коммуникации между людьми, вынуждает нас обратить более пристальное внимание на изучение процессов взаимодействия и общения между личностями, культурами, странами и даже эпохами. Ставка господствующих идеологий на мультикультурализм, толерантность и интернациональность неизбежно приводит к необходимости разобраться в механизмах реализации подобных взаимоотношений с целью наладить грамотную интеракцию и в то же время не потерять своей персональной идентичности.

По мнению М. Бубера, вся наша жизнь есть непрерывная череда столкновений Я с Другим, в роли которого может выступать и природа, и люди, и Бог: «Всякая действительная жизнь есть встреча» [Бубер, 1995, 5]. В своих рассуждениях философ предлагает отталкиваться от начального этапа становления личности – периода детства. Бубер подчеркивает, что в этом возрасте человек особенно остро чувствует потребность в Другом, которая связана «со сбывающимися и несбывающимися надеждами на утоление этой изначальной жажды, с игрой его экспериментов и неподдельным трагизмом его переживаний, когда он ощущает свою

полную беспомощность» [там же, 42]. Лишь через такое «вхождение в отношения» [там же, 66] с миром человек способен стать индивидом.

«Я-Другой» в романном пространстве Иэна Макьюэна

Тема детства и становления личности в этом возрасте также является одной из доминирующих в творчестве И. Макьюэна. В качестве примера рассмотрим роман британского писателя «Цементный сад» (1978).

На первых страницах мы видим семью, состоящую из семнадцатилетней Джули, пятнадцатилетнего Джека, тринадцатилетней Сью, шестилетнего Тома, а также их родителей. Достаточно быстро глава семейства умирает, сраженный сердечным приступом, вслед за ним уходит на тот свет и мать детей, которые, полностью потеряв опеку взрослых, остаются на самоуправлении – известный голдинговский сюжет. На плечи старших ложится ответственность не только за себя, но и за жизни малышей, которым грозит детдом. В итоге ребята решают спрятать труп матери в подвале, залив его цементом, а в семье провести полную перезагрузку ролей. Теперь Джули и Джек выполняют функции родителей, а младшие обретают новых маму и папу, которые, не успев еще стать подростками, делают попытку переродиться в обличье взрослых. Здесь Макьюэн мастерски показывает сложность этого переходного процесса. Проблема самоидентификации у подростков и так очень часто встает в этом возрасте, а согласно данной сюжетной стратегии еще не окрепшее сознание ребенка вынуждено стремительно переключиться в режим взрослого. Как прекрасно показал нам У. Голдинг в «Повелителе мух», дети – это такие существа, которые живут преимущественно естественными потребностями, которые способны пробудить в человеке животное начало. Макьюэн развивает данную концепцию, наглядно иллюстрируя этот процесс на примере семейно-бытового контекста. Одичание детей перманентно подчеркивается в романе: высокие скулы Джули делали ее похожей на «дикого зверя» [Макьюэн, 2010, 43], Джеку снится кошмар, где его преследует «вонючий» [там же, 58] зверек (не это ли просыпающиеся инстинкты, затмевающие разум?), а малыш Том издает настоящий «звериный вой» [там же, 64] после школьной драки.

Подростки, далекие от саморефлексии, начинают изучение нового состояния с исследования внешней оболочки, – как своей, так и другого, ибо именно она является первой границей, отделяющей человека от себе подобных. Иными словами, как точно замечает А.В. Татаринов, анализируя художественные миры современных авторов в статье «Английские и американские романы 2010 года: сюжетная стратегия и концепция мира», персонажами новейшей модели реальности являются герои, которые «падают в свое собственное тело» [Татаринов, 2012, 48]. Действительно, Джек, от лица которого ведется повествование, подробно описывает интерес всех детей в семье к обнаженности брата или сестры, что отмечается еще в начале истории, когда родители живы и есть еще некий сдерживающий фактор: «Я страстно мечтал исследовать старшую сестру, но этого не позволяли правила игры» [там же, 58], «Мы играли в ученых, исследующих неизвестное существо из космоса» [там же, 62], – так описывается детская игра в доктора, только врач этот – гинеколог, а его пациент – родная сестра. В этой навязчивой откровенности плоти макьюэновская стратегия уверенно сближается с мировоззренческим вектором философии еще одного авторитетного экзистенциалиста – Жана-Поля Сартра.

Для начала обратимся к основным постулатам сартровской модели мира. По его теории бытийственности, существование человека главным образом определяется тремя взаимодействующими формами: «бытие-в-себе», «бытие-для-себя» и «бытие-для-другого». В труде под названием «Трансценденция Эго. набросок феноменологического описания» французский философ апеллирует к позиции Гуссерля, основателя феноменологии, считавшего, что единственное связующее звено между персональным бытием двух людей – это «связь познания» [Сартр, 2011, 32], а «обращение к другому есть необходимое условие конституирования мира» [там же, 44]. Экзистенциалист Сартр продолжает эту мысль своего немецкого учителя и выдвигает тезис, гласящий, что познавать самого себя человек может только изучая свое эго с позиции Другого. Благодаря этому реализуется «фундаментальная связь с Другим» [там же, 51], которая выступает для человека своеобразным гарантом всеобщей объективности.

В более ранней работе «Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии» Сартр ставит проблему телесности, а именно того, каким образом наше тело относится к нашему бытию и сознанию. По мнению философа, тело есть пространственный знак нашего присутствия в этом мире, являющийся в то же время суммой конкретных фактов, формирующих личность: возраст, раса и/или национальность, генетика, здоровье или его отсутствие и т.д. [Сартр, 2004]. Именно поэтому познание своего тела – неминуемая стадия познания самого себя как личности. Герои романа Макьюэна постоянно пытаются самоидентифицироваться именно через изучение тела Другого и своей оболочки. В этом случае показательна сцена, когда Джек внимательно рассматривает свою семенную жидкость, появившуюся у него впервые. Также автор постоянно подчеркивает привычку мальчика подолгу изучать себя в зеркале. Мотив зеркала очень важен в контексте рассматриваемой проблемы. Как уже упоминалось, одной из ипостасей существования человека, по Сартру, является «бытие-для-Другого» [Сартр, 2004, 10], другими словами, зеркало позволяет человеку взглянуть на себя объективно, со стороны, увидеть себя таким, каким видят его другие люди – это следующий этап самопознания: «Я смотрел на свое отражение, пока не почувствовал, что оно будто отделяется от меня, начинает жить самостоятельной жизнью, парализует меня своим взглядом» [Макьюэн, 2010, 49]. Именно возможность изучить себя как Другого позволяет понять механизмы, конструирующие личность человека. Поэтому дети не удивляются, когда малыш Том обнаруживает свою страсть наряжаться девочкой и тоже любит свое отражение в зеркале. Особенно здесь важно одобрение всех остальных («Правда, он лапочка?» [там же, 124] – восхищается Джули), Другие воспринимают мальчика только в дамском облике, именно их поддержка провоцирует аномальное развитие женственности в теле мальчика. То есть личность не самозамкнута, а Другой всегда играет важную роль в ее развитии.

В работе «Проблема человека», проводя пунктир, знаменующий ход развития философской антропологии, Бубер достаточно подробно останавливается на взглядах Ницше, логика трудов которого была направлена на исследование самости человека, в частности, на постулирование идей крайнего индивидуализма. Автор указанного труда критикует такой подход к изучению личности, ибо он влечет за собой неверный ответ на антропологический вопрос, принуждающий анализировать человека исключительно с точки зрения его «воли к власти» [Бубер, 1998, 35], хотя и осознает специфику такого приема. Своеобразие этого метода заключается в том, что в его рамках человек исследуется как существо, генетически выросшее из животного мира,

столкнувшееся с бездной под названием «Ничто» и пытающееся себя определить посредством осознания своей целостности.

Роман «Невыносимая любовь» (1997) – об отсутствии взаимопонимания между близкими людьми. Главный герой, журналист Джо Роуз, размышляет о специфике человеческого интеллекта, который, пытаясь оправдать неблагоприятные поступки своего хозяина, «всегда готов предоставить особые способы защиты и избирательную слепоту по отношению к собственным недостаткам» [Макьюэн, 2011, 78]. И стоит добавить, что порождает удивительную «прозорливость» по отношению к недостаткам Другого. Здесь мы четко и прослеживаем позицию Ницше, заявившего в своем эссе «Об истине и лжи во внеэтичном смысле», что «интеллект, как средство для сохранения индивида, развивает свои главные силы в притворстве; ибо благодаря ему сохраняются более слабые и хилые особи, которые не могут отстаивать себя в борьбе за существование с помощью рогов или зубов» [Ницше, 2003, 91]. То есть человек в своем эгоистичном порыве поставить себя над Другим может потерять способность к объективному восприятию процесса коммуникации, ибо человеческий разум может стать причиной избирательного зрения. Эта ставка на эгоцентризм, которая обуславливает онтологический принцип философии Ницше, по мнению и Бубера, и Макьюэна, заведомо проигрышна в своей необъективности. Отрицая возможность доверия к всеобщей истине, утверждая гибель Бога и крах традиционных ценностей, взамен Ницше предлагает истину частную как единственно верную и непреложную. Как справедливо замечает Бубер, подобное бегство от социума, попытка присвоить себе бытие, подчинить его своей воле ограничивает человеческое сознание, препятствует его выходу вовне, а это достаточно опасно, ибо только соединив свои представления о мире с формациями Другого, личность сможет смоделировать их в «одно космическое единство» [Бубер, 1998, 54].

В то же время экзистенциалист отвергает и принцип коллективизма, предложенный в свое время Марксом, настаивая на том, что «человек в коллективе не есть человек с человеком» [там же, 92]. Тем самым Бубер утверждает, что данная идеология так же отнюдь не является идеальным форматом сосуществования Я и Другого. По его мнению, человек, пытающийся избежать одиночества, подменяет свою персональную цель присутствия в этом мире идеей массивных современных образований, тем самым снимая с себя всю ответственность за происходящее и ощущая при этом полную уверенность в праве на существование такой искусственно смоделированной реальности. Так, в романе «Черные псы» (1992) Макьюэн наглядно демонстрирует, к чему приводит идея коммунизма, на примере молодоженов Бернарда и Джун, которые в 1940-х вступили в Коммунистическую партию Великобритании. Их юношеский максимализм в те годы органично сливался с революционным духом единомышленников, которые верили, что только вместе им всем удастся наконец создать «здравый и справедливый мир, в котором не будет войн и классового неравенства» [Макьюэн, 2010, 27]. Ради всеобщей благой цели Берnard и Джун уходят с работы и отправляются через Ла-Манш, чтобы «окунуться в хаос Северной Европы» [там же]. Однако после жестокого подавления Венгерского восстания в 1956 году многие разочаровываются в идеологии партии и покидают ее, в том числе и Берnard. Джун отказывается последовать за супругом, и с тех пор стремительно рушатся их общие надежды на счастливое семейное будущее, благополучие которого жестко нарушили разногласия по политическим вопросам.

Британский писатель и здесь, вероятно, близок к экзистенциалистской позиции Бубера, который считает, что подобный глубокий эскапизм в политическую идею всеобщего единения еще больше усугубляет положение личности, которая на самом деле в этой ситуации бежит от своей самости к иллюзии, тотально отказываясь от познания Я-индивидуального в пользу увлечения Я-социальным. Возникший в результате этого процесса коллективизм, по мнению философа, «является последней границей, которую человек возвел перед собой» [Бубер, 1998, 91]. Другими словами, подобное насильственное «пристегивание» одного человека к другому не есть истинная модель взаимоотношений Я-Другой, которая должна базироваться исключительно на взаимных эмоционально-чувственных отношениях, которые невозможны в рамках глобального тоталитаризма.

Заключение

Проведенный анализ вышеуказанных романов Макьюэна в контексте экзистенциалистской философии XX века позволяет сделать вывод о том, что зачастую неоднозначность восприятия мира личностью рождается по причине отсутствия тотальной объективности его изображения. Человек, познающий окружающее бытие, соотносит его со своим персональным микрокосмом, где вся полученная извне информация постулируется как непреложная истина. И именно при встрече с Другим мы сталкиваемся с пониманием того, что наше моделирование мира не есть конечный вариант, что существуют другие индивидуальности, мировосприятие которых существенно отличается друг от друга, хотя интенции их векторов направлены на одни и те же объекты. Поэтому человеку, чтобы обрести хотя бы относительную уверенность в окружающем его бытии, необходима связь с Другими, ибо только она гарант устойчивости его связей с этим мирозданием, так как «лишь относительно такого мира ты можешь «прийти к пониманию» с другими людьми» [Бубер, 1998, 93], а каждая встреча с Другим «служит тебе ручательством твоей связи с миром» [там же]. Британский классик, немецкий экзистенциалист и французский философ убедительно говорят нам о том, что пока человек заиклен на своей самости и не позволяет своему персональному сознанию участвовать (быть со-причастным) в жизни окружающих, он не в состоянии сделать этому миру «ни благого, ни дурного», так как только через Другого человек способен почувствовать «дуновение вечной жизни» [Бубер, 1998, 90], и свою включенность в контекст развития мировой истории.

Библиография

1. Бубер М. Два образа веры // Бубер М. Я и Ты. М.: Республика, 1995. С. 16-92.
2. Бубер М. Проблема человека. Киев: Ника-Центр, Вист-С, 1998. 96 с.
3. Джумайло О.А. Против сентиментальности: Иэн Макьюэн // Вопросы литературы. 2010. № 6. С. 242-260.
4. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 264 с.
5. Макьюэн И. Невыносимая любовь. М., 2011. 336 с.
6. Макьюэн И. Цементный сад. М., 2010. 208 с.
7. Макьюэн И. Черные псы. М., 2010. 288 с.
8. Мальцев Я.В. Бытие и Другой в философии А. Камю // Социум и власть. 2016. №6(62). С. 15-19.
9. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во внеэтическом смысле. Минск: Харвест, 2003. 384 с.

10. Пятигорский А.М. «Другой» и «свое» как понятия литературной философии // Пятигорский А.М. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 264-270.
11. Рикер П. Я-сам как Другой. М., 2008. 416 с.
12. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2004. 639 с.
13. Сартр Ж.-П. Трансценденция эго. набросок феноменологического описания. М.: Модерн, 2011. 160 с.
14. Татаринов А.В. Английские и американские романы 2010 года: сюжетная стратегия и концепция мира // Культурная жизнь юга России. 2012. №2 (45). С. 47-49.
15. Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры. М.: Краснад, 2012. 216 с.

The artistic realization of the *Self-Other* existentialist paradigm in the Ian McEwan's novels

Alena V. Koshikova

Postgraduate,
Department of foreign literature and comparative culturology,
Kuban State University,
350040, 149 Stavropol'skaya st., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: kav-tutor@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of Ian McEwan's novels from the existentialists' philosophy point of view. The author considers his novels within the framework of the existential paradigm *Self-Other*. The author finds a connection between the approaches of Martin Buber, Jean-Paul Sartre and Ian McEwan's novels. The popularity of the "otherness" idea is explained by the fact that after the Second World War, the weakened Europe seriously reflects on the revival of the value of the individual, which implies a continuous dialogue between individuals, cultures, countries and even epochs. As a material the authors uses the novels *Cement garden*, *Black dogs* and *Unbearable love*. Buber's ideas about the specifics of the childhood period within the framework of the formation of a person's personality are reflected in Ian McEwan's texts. The knowledge of the Other and of Self as Other begins with the study of the outer shell: the body, which is the first visible obstacle that separates people from each other. This problem, in turn, refers to the Jean-Paul Sartre's theory of corporeality, according to which the study of one's body is the first and necessary stage of self-knowledge. The British classicist, the German existentialist and the French philosopher have a similar basis for their worldview vectors, telling us about the necessity of the presence of the Other in human life, because only in that way the personality can fully experience itself.

For citation

Koshikova A.V. (2017) Khudozhestvennaya realizatsiya ekzistentsialistskoi paradigmy "Ya-Drugoi" v romannom prostranstve Iena Mak'yvena [The artistic realization of the *Self-Other* existentialist paradigm in the Ian McEwan's novels]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (5A), pp. 581-588.

Keywords

Philosophical anthropology, existentialism, the Other, McEwan, Buber, Sartre, self-identification.

References

1. Buber M. (1951) *Two Types of Faith: A Study of the Interpenetration of Judaism and Christianity*. Macmillan Company (Russ. ed.: Buber M. (1995) *Dva obraza very*. In: Buber M. *Ya i Ty*. Moscow: Respublika Publ., pp. 16-92).
2. Buber M. (1988) *Knowledge of Man: Selected Essays*. Prometheus Books (Russ. ed.: Buber M. (1998) *Problema cheloveka*. Kiev: Nika-Tsentr, Vist-S Publ.).
3. Dzhumailo O.A. (2010) Protiv sentimental'nosti: Ien Mak'yuen [Against sentimentality: Ian McEwan]. *Voprosy literatury* [Literature questions], 6, pp. 242-260.
4. Levinas E. (1948) *Le Temps et l'Autre*. Paris: Arthaud (Russ. ed.: Levinas E. (1998) *Vremya i drugoi. Gumanizm drugogo cheloveka*. Saint Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola Publ.).
5. Mal'tsev Ya.V. (2016) Bytie i Drugoi v filosofii A. Kamyu [Genesis and Other in the philosophy of A. Camus]. *Sotsium i vlast'* [Social life and power], 6 (62), pp. 15-19.
6. McEwen I. (1978) *The Cement Garden*. Jonathan Cape (Russ. ed.: McEwen I. (2010) *Tsementnyi sad*. Moscow).
7. McEwen I. (1992) *Black Dogs*. Jonathan Cape (Russ. ed.: McEwen I. (2010) *Chernye psy*. Moscow).
8. McEwen I. (1997) *Enduring Love*. Jonathan Cape (Russ. ed.: McEwen I. (2011) *Nevynosimaya lyubov'*. Moscow).
9. Nietzsche F. (2003) *O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni. Sumerki kumirov, ili Kak filosofstvovat' molotom. O filosofakh. Ob istine i lzhi vo vnenravstvennom smysle* [On the advantage and disadvantage of history for life. Twilight of the idols, or how to philosophize with a hammer. About philosophers. On truth and lies in a nonmoral sense]. Minsk: Kharvest Publ.
10. Pyatigorskii A.M. (1996) "Drugoi" i "svoe" kak ponyatiya literaturnoi filosofii ["Other" and "Self" as a concept of literary philosophy]. In: Pyatigorskii A.M. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., pp. 264-270.
11. Ricoeur P. (1995) *Oneself as Another*. University of Chicago Press (Russ. ed.: Ricoeur P. (2008) *Ya-sam kak Drugoi*. Moscow).
12. Sartre J.-P. (1936) *La Transcendance de l'ego: Esquisse d'une description phénoménologique*. Gallimard (Russ. ed.: Sartre J.-P. (2011) *Transtsendentsiya ego. Nabrosok fenomenologicheskogo opisaniya*. Moscow: Modern Publ.).
13. Sartre J.-P. (1943) *L'Être et le néant: Essai d'ontologie phénoménologique*. Gallimard (Russ. ed.: Sartre J.-P. (2004) *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoi ontologii*. Moscow: Respublika Publ.).
14. Shapinskaya E.N. (2012) *Obraz Drugogo v tekstakh kul'tury* [The image of the Other in the texts of culture]. Moscow: Krasnad Publ.
15. Tatarinov A.V. (2012) Angliiskie i amerikanskie romany 2010 goda: syuzhetnaya strategiya i kontseptsiya mira [English and American novels of 2010: the plot strategy and the concept of the world]. *Kul'turnaya zhizn' yuga Rossii* [Cultural life of the south of Russia], 2 (45), pp. 47-49.